

Мамин-Сибиряк Дмитрий Наркисович

**Полное собрание сочинений
Н. Мамин-Сибиряк**

Том 8

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-1
ББК 84-5
Д53

Д53 **Дмитрий Наркисович М.**
Полное собрание сочинений Н. Мамин-Сибиряк: Том 8 / Мамин-Сибиряк
Дмитрий Наркисович – М.: Книга по Требованию, 2022. – 519 с.

ISBN 978-5-519-95231-6

ISBN 978-5-519-95231-6

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2022

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2022

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

Изъ кабинета уже нѣсколько разъ слышался хозяйскій голосъ: „Маркъ, Маркъ!“, но старый, вѣрный слуга только встряхивалъ головой и говорилъ: „Ничего, подождутъ... Не на пожаръ бѣжать!“ Въ видѣ оправданія, онъ нѣсколько разъ порывался итти и оставался.

— Такъ вотъ что, милъ-сердечный другъ,— говорилъ Гушинъ, вынимая изъ бумажника рублевую бумажку. — Видишь это?

— Очень превосходно, Артемій Асафычъ... Бѣдный я человѣкъ...

— Подожди, твоя рѣчь впереди. Вотъ это рупь.

— Такъ точно-съ...

— А рупь все одно, что и тыща — да. Потому самому, что не рука къ деньгамъ, а деньги къ рукамъ. Понялъ? Другого непривычнаго человѣка можно просто ушибить рублемъ-то... Такъ вотъ нѣ, получай, а въ нѣкоторое время пригодись.

— Ужъ вотъ какъ буду стараться, Артемій Асафычъ,— бормоталъ Маркъ, торопливо засовывая бумажку въ карманъ. — Извините, сударь, мнѣ сейчасъ некогда... Вамъ прикажете Николая Сергѣича вызвать?

— Ничего, я подожду. Наше дѣло не къ спѣху...

Маркъ разбитой, старческой походкой торопливо убѣжалъ въ столовую, а Гушинъ принялся разсматривать обстановку, шевеля губами и что-то прикидывая въ умѣ. Онъ опять покачалъ головой. Что же, мебель хоть и крыта шелковой матеріей, а, навѣрно, взята на прокатъ. И вся остальная треньбрень: какія-то вазы, мраморный идолишко въ углу, альбомы на каждомъ столѣ,— ну, въ чему все это нагорожено, ежели разобрать? Такъ, одна модель... А станъ продавать, такъ и половины цѣны не выручишь.

„Шальные деньги-то, вотъ и мудрятъ, — уже вслухъ думалъ Гушинъ, поправляя свою косынку.— А ужъ кто картамъ подверженъ, такъ тутъ никакихъ денегъ не хватитъ... Вонъ давеча какъ Ольга-то Ивановна накинута. „Ты и такой, ты и сякой, ты и деньги травишь Николаю Сергѣичу...“ Ну, какой это фасонъ? Какой это человѣкъ будетъ деньги травить? Конечно, случается, что и выручишь Николая Сергѣича, такъ вѣдь только единственно по добротѣ души...“

Мысль объ Ольгѣ Ивановнѣ замѣтно удручала Гушина, и онъ даже фукать носомъ, какъ котъ, на котораго брызнули холодной водой. „Охъ, деньги, деньги... Взять хоть того же человѣка Марка—за рупь отца родного продасть“.

— А мы ему затравку на всякій случай сдѣлали... хе-хе! Какъ онъ за рупь-то удѣлился... Охъ, грѣхи наши тяжкіе!

Во время этихъ размышленій человѣкъ Маркъ нѣсколько разъ проходилъ черезъ гостиную, то съ сельтерской водой, то съ сигарнымъ ящикомъ, то съ бутылкой краснаго вина. Онъ покровительственно улыбался гостю и шопотомъ сообщалъ:

— Сейчасъ Галстунина разыгрываемъ... Только перья летятъ! Иванъ Григорычъ мечутъ-съ, а Галстунинъ рѣжется... Прикажете Николая Сергѣича вызвать?

— Нѣтъ, нѣтъ... — торопливо отвѣтилъ Гушинъ, отмахиваясь обѣими руками. — Ежели они позабудутъ меня, такъ и лучше того. Ничего, я и здѣсь посижу...

II.

Было уже часовъ пять вечера. Начинало темнѣть. Короткій зимній день копчался тускло и сѣро, какъ, измучившись, засыпаетъ больной человѣкъ.

Горничная Дуня зажгла стѣнные лампы, оправила сбившуюся на столѣ скатерть, переложила альбомы и больше не обращала на гостя никакого вниманія, какъ на стоявшаго въ углу мраморнаго амура. Гушинъ сидѣлъ на стулѣ неподвижно и нѣсколько разъ чуть-чуть не заснулъ. Изъ дремоты его вывело только приглашающее званіе тарелокъ въ столовой. Очевидно, Дуни приготавлила все къ обѣду.

— „А хорошо бы перекусить...— думалъ старикъ, зѣвая и крестя ротъ.— Господа хорошо кушаютъ, а у Ивана Григорыча собственный поваръ изъ Расей вывезенъ... Балычу... икорки... разварную стерлядку...“

На этихъ грѣшныхъ мысляхъ онъ точно былъ пойманъ Маркомъ. Старый господскій слуга подкрался къ нему своей шмыгающей походкой и шепнулъ:

— А вы тово, Артемій Асафычъ... Баринъ, какъ выйдутъ, непременно будутъ приглашать васъ къ столу... у нихъ ужъ тѣмал повадка... А вы не соглашайтесь. Да... Это по-господски называется простая вѣжливость...

— Вотъ тебѣ фунтъ!.. А я-то тово.. гм...

— Вамъ же добра желаю... У нихъ своя компанія, а вамъ не рука-съ. Потомъ васъ же осудятъ.

— Покорно благодаримъ на добромъ словѣ... Чтѣ же, я могу по тротувару походить, пока они обѣдаютъ. Я дома перекусилъ.

— Вотъ, вотъ... А то на куфитъ можно перехватить. У насъ на этотъ счетъ даже очень свободно и никакого стѣсненія въ провизіи...

— Ну, въ кухню-то я, братъ, не пойду... Тоже купецъ третьей гильдіи пазываюсь... Низко мнѣ это... Я ужъ лучше по тротувару, будто для воздуха.

Изъ этого недовкаго положенія гость былъ выведенъ появившимся въ дверяхъ кабинета хозяиномъ. Это былъ высокій, представительный старикъ барской складки. Окладистая, холеная сѣдая борода съ какимъ-то щегольствомъ выдѣлялась на черномъ фонѣ чернаго бархатнаго пиджака.

— А, это вы, Артемій Асафычъ... — заговорилъ онъ красивымъ груднымъ голосомъ, протягивая холеную, барскую руку съ солитеромъ на мизинцѣ. — Чтѣ же это вы здѣсь сидите?

— Да такъ-съ, Иванъ Григорычъ... потому какъ Николай Сергѣичъ изволили прислать за мной. Ничего-съ, время терпять... Не на свадьбу торопиться.

— Такъ, такъ... — улыбаясь одними глазами и хлопая по плечу гостя, говорилъ Войводъ. — Николаю Сергѣичу сегодня везетъ, и, кажется, онъ обойдется безъ ваевъ.

— И отлично-съ... А то я ужъ отъ Ольги Ивановны впередъ вслѣскую мораль получилъ. Можно сказать, одно звѣрство.

— Отъ женщинъ нужно принимать все, Артемій Асафычъ, какъ принимаемъ погоду: сегодня дождь, а завтра и солнышко можетъ выглянуть.

— Это точно-съ, Иванъ Григорычъ. Слабый сосудъ-съ...

— А гдѣ же дамы? — обратился Войводъ къ Марку. — Ступай, скажи, что мы кончили. А вы, Артемій Асафычъ, надѣюсь, пообѣдаете съ нами?

— Нѣтъ, ужъ увольте, Иванъ Григорычъ. Я, тово, дома закусилъ.

— А если я не отпущу? Палка на палку нехорошо, а обѣдъ на обѣдъ ничего...

— Знаете, Иванъ Григорычъ, необычно мнѣ съ господами...

— Пустяки! И слышать ничего не хочу... Знаете поговорку: въ гостяхъ воля хозяйская. Да вошь и жена идетъ. Вѣрочка, пожалуйста, не отпускай этого благочестиваго старца. Онъ останется у насъ обѣдать. Рекомендую: Артемій Асафычъ Гушинъ, купецъ третьей гильдіи.

— Купеческій братъ-съ, Иванъ Григорьячъ, — поправилъ Гущинъ, застегивая свой длиннополый сюртукъ.

Вѣра Николаевна, высокая, молодая и красивая женщина съ большими сѣрыми глазами, равнодушно протянула гостю свою маленькую ручку и еще болѣе равнодушно проговорила:

— Очень рада, очень...

За ней шла полная и румяная дѣвушка съ вздернутымъ носикомъ и смѣшливыми черными глазами. Она фамиллярно поздоровалась съ Гущинымъ и бойко заговорила:

— А, богатенькій, добренькій старичокъ, здравствуйте!.. Вѣра Васильевна, олъ замѣчательный человекъ въ трехъ отношеніяхъ: во-первыхъ, дяди жены Матова, во-вторыхъ, даетъ деньги подъ большіе проценты, и въ-третьихъ, когда у него будетъ миллионъ, женится на мнѣ.

— Шутить изволите, сударыня... — отвѣтилъ Гущинъ, осклабясь. — Конечно, я добрый человекъ, Вѣра Васильевна, и образованные люди меня не обѣгаютъ, а что касается Ольги Ивановны, такъ она, дѣйствительно, родной племянницей мнѣ приходится... да-съ!

— Очень рада, — проговорила Вѣра Васильевна, точно стараясь что-то припомнить. — Да, вотъ что... Я все собиралось пріѣхать къ Ольгѣ Ивановнѣ съ визитомъ, но все какъ-то не удается.

— Не стѣбитъ и ѣздить, сударыня, — неожиданно отрѣзала гость. — Конечно, она моя племянница, а женщина безъ всякой полировки, вполнѣ сѣрая, можно сказать...

— Вотъ я ужъ скажу ей! — перебила его дѣвушка. — Какъ вы смѣете такъ говорить объ Ольгѣ Ивановнѣ? Она вотъ задастъ вамъ...

Изъ кабинета гурьбой показались всѣ игроки. Впереди шелъ, весь подтянутый и точно покрытый лакомъ, товарищъ прокурора Бережецкій, съ такимъ усталымъ лицомъ и слегка презрительной улыбкой на тонкихъ губахъ. Завидѣвъ дамъ, онъ, по привычкѣ, принялъ еще болѣе вытянутый видъ, а лицу придавъ скучающее выраженіе. За нимъ смѣнили на короткихъ ножкахъ толстенный, улыбающійся докторъ Окуневъ, отецъ краснощекой дѣвушки. У него всегда галстукъ сидѣлъ криво. Въ разговорѣ докторъ любилъ постоянно перебивать своего собесѣдника. Вообще, онъ вѣчно торопился, что-нибудь забывать и удивлялся самымъ обыкновеннымъ вещамъ. Матовъ и Галстунинъ шли подъ руку, продолжая какой-то карточный споръ. Матову было за тридцать, но онъ казался старше своихъ лѣтъ благодаря неостроумному обращенію съ жидкостями. Типичное русское лицо, съ мягкими носомъ и умными карими глазами, было точно подернуто жирнымъ палетомъ. Это лицо портилъ только широкій чувственный ротъ. Одѣтъ онъ былъ съ барской небрежностью и имѣлъ привычку отбрасывать рукой лѣзшіе на лобъ русые шелковистые кудри. Галстунинъ былъ бѣлобрысый купчикъ изъ полированныхъ. Онъ весь былъ какой-то сѣрый и одѣвался во все сѣрое. Шествіе замыкалъ Поль Щепетильниковъ, высокій и тонкій молодой человекъ, копировавшій то Матова, то Бережецкаго, то Войвода. Въ качествѣ помощника присяжнаго повѣреннаго, онъ старался держать себѣ развязнѣе, чѣмъ это слѣдовало, и больше всего на свѣтѣ любилъ анекдоты.

— Боже мой, наконецъ-то кончили! — проговорила m-lle Окунева, дѣлалъ совершенно ненужный жестъ руками. — Кто выдумалъ карты, тому не будетъ прощенія... Гдѣ играютъ въ карты, дамы остаются однѣ и скучаютъ.

Щепетильниковъ напрасно старался вспомнить какой-то остроумный анекдотъ относительно картъ и сказалъ совсѣмъ другое:

— Люди узнаются, Анна Евграфовна, только въ дорогѣ и въ игрѣ...

— А такъ какъ вы играете всегда очень серьезно, то?..—бойко отвѣтила m-lle Окунева.—Это опасная мѣрка.

Докторъ, напряженно слѣдившій за каждымъ шагомъ дочери, облегченно вздохнулъ. Да, ничего, отвѣтъ удачный. Онъ любовно посмотрѣлъ на нее и что-то шепнулъ на ухо Гушину, который наблюдалъ все время за Бережецкимъ. Старикъ уже расканвался, что не послушался давеча Марка. Онъ испытывалъ священный трепетъ въ присутствіи всякой предержавшей власти и какую-то предательскую оторопь.

— Господа, прошу закусить,—предлагалъ хозяинъ.—Артемій Асафычъ, пожалуйста.

— Я-съ, Иванъ Григорычъ... помилуйте-съ...

Войводѣ взялъ его подъ руку и повелъ въ столовую. Бережецкій предложилъ руку хозяйкѣ, а Матовъ—m-lle Окуневой. Столовая была убрана для провинціального города почти роскошно, а дубовый буфетъ походилъ на органъ изъ какого-нибудь католическаго костела. Сервировка отличалась особенной изысканностью. Закуски стояли рядами, какъ на именинномъ обѣдѣ, такъ что Гушинъ, какъ ни прикидывалъ въ умѣ, никакъ не могъ сообразить, чего могло стоить все это великолѣпіе.

— Чтò бы такое закусить, барышня?—говорилъ Матовъ.

— Вы должны сейчасъ заботиться обо мнѣ, Никъ.

— Ахъ, да, виноватъ. Вы очищенную или англійскую горькую?

— Забѣчательно остроумно... Можно подумать, что не Щепетильниковъ у васъ помощникомъ, а вы поступили къ нему въ помощники.

— Послушайте, у васъ сегодня тоже, кажется, припадокъ остроумія, а я голоденъ и не могу изображать благодарную публику... Какой вонъ тамъ рыбецъ, барышня?..

Пока закусывали, разговоръ шелъ бѣглымъ огнемъ. Гушинъ попробовалъ лимбургскаго сыра и выплюнулъ. Онъ все время старался держаться подальше отъ Бережецкаго и подобострастно хихикалъ, когда кто-нибудь говорилъ что-нибудь смѣшное. Выпитыя для храбрости двѣ рюмки водки производили свое дѣйствіе. Гушинъ замѣтилъ пока только то, что Щепетильниковъ намѣренно не замѣчаетъ его и точно стѣсняется, что знакомъ съ нимъ.

— „Вотъ человѣкъ... А давно ли красный билетъ прибѣгалъ заниматься?—думалъ съ огорченіемъ старый ростовщикъ.—Погоди, вахлястый!“

И Матовъ тоже какъ будто не замѣчаетъ его совсѣмъ, а когда увидалъ, то проговорилъ: „А... Мы съ тобой еще будемъ имѣть нѣкоторый разговоръ“. У Гушина захолоднуло на душѣ отъ одной этой фразы. Матовскіе-то разговоры извѣстны... А еще Иванъ Григорычъ говорилъ давеча, что онъ выигрываетъ. Мысль объ этомъ разговорѣ отнимала у него теперь всякій аппетитъ. Ахъ, напрасно остался, совсѣмъ даже напрасно. А тамъ еще Ольга Ивановна отчитаетъ такую глухую исповѣдь, что не поздоровится. Зато хозяинъ—молодецъ. За всѣми такъ и слѣдитъ. Никому не даетъ задуматься. Баринъ—такъ баринъ и есть. И барыня—красавица писаная, только какъ будто маленько молода. А впрочемъ, ихнее барское дѣло. Можетъ, такъ и надо.

III.

Докторъ Окуневъ продолжалъ слѣдить за дочерью и совершенно прозѣвалъ, какъ за столомъ съ ней очутился этотъ долговязый Щепетильниковъ. Последнее его возмутило до глубины души. Чтò могутъ наговорить про Анненьку въ Сосногорскѣ? О, городъ хотя и провинціальный, а злыхъ языковъ

сколько угодно. Чадолубивый папаша послалъ дочери нѣсколько умоляющихъ взглядовъ, такъ что она спросила:

— Папа, тебѣ опять кто-нибудь наступилъ на любимую мозоль?

На домашнемъ языкѣ Анненъка называла любимую мозолью себя, и отецъ только покачалъ головой. Сегодня вообще Анненъка была въ какомъ-то возбужденномъ состояніи и могла выкинуть какую-нибудь штуку, что съ ней случалось нерѣдко. Потому докторъ удивился, зачѣмъ его Анненъка попала въ эту компанію игроковъ и въ довольно сомнительное общество этой сомнительной Вѣры Васильевны, которая въ концѣ концовъ все-таки жена игрока. Въ Сосногорскѣ ее хотя и принимали, но съ неудовимымъ отѣнкомъ самой изысканной холодности, и только онъ одинъ отпускалъ свою единственную дочь въ этотъ сомнительный домъ. Впрочемъ, въ Сосногорскѣ онъ считалъ себя единственнымъ „натуралистомъ“ и, въ качествѣ такового, не находилъ нужнымъ подчиняться укоренившимся предрасудкамъ. Что такое жена игрока? Кто знаетъ, на какія средства живетъ Войводъ, и кому какое до этого дѣло? Однимъ словомъ, провинціальныя сплетни, тѣмъ болѣе, что Вѣра Васильевна такая красавица, что дамы не могутъ ей этого простить, а самъ Войводъ подавляетъ своимъ природнымъ джентльменствомъ. Но эти уравнивающія соображенія летѣли въ головѣ доктора кувыркомъ, когда онъ вспоминалъ, что у Анненъки нѣтъ матери, и что единственнымъ отвѣтственнымъ лицомъ за все ея будущее является онъ одинъ.

За столомъ, по мѣрѣ того, какъ пустѣли бутылки, бесѣда дѣлалась все оживленнѣе. Галстунинъ и Матовъ подливали другъ другу и хлопали рюмку за рюмкой съ особеннымъ шикомъ. У Матова лицо уже покраснѣло, а глаза покрылись влагой. Онъ чувствовалъ, что Вѣра Васильевна наблюдаетъ за нимъ и считаетъ рюмки, что его забавляло и тянуло выпить еще липнюю рюмку. Галстунинъ начиналъ совѣты и глупо улыбался, стараясь дѣлать видъ, что слушаетъ, какъ Бережецкій рассказываетъ хозяину подробности дѣла о подложныхъ векселяхъ. Онъ обладалъ секретомъ рассказывать необыкновенно скучно.

— Господа, кто же изъ насъ въ жизни не дѣлалъ подлоговъ?—вступился Матовъ, отодвигая остатки какой-то рыбы.

— Какъ на это смотрѣть, конечно...—сухо отозвался Бережецкій, принимая это замѣчаніе на свой счетъ: вѣдь рѣшительно все, что дѣлалось на свѣтѣ, такъ или иначе относилось именно къ нему, Бережецкому, тѣмъ болѣе, что и самъ грѣшный міръ существовалъ тоже только для него, для Бережецкаго.

— Законъ преслѣдуетъ только формальную правду,—спокойно продолжалъ Матовъ, откидывая свои кудри.—Да... Вѣрнее: бумажную правду, какъ въ данномъ случаѣ. А я говорю о подлогѣ по существу... Напримѣръ, барышня улыбается—это самый утонченный подлогъ, я дѣлаю умное лицо—тоже, Артемій Асафычъ выдаетъ себя добрымъ человѣкомъ—тоже.

— Увольте вы меня, Николай Сергѣичъ...—взмолился Гущинъ.—И чтѣ я вамъ дался?

— И меня тоже...—отозвалась Анненъка.

— Мы дѣлаемъ подлогъ самымъ актомъ своего рожденія,—продолжалъ невозмутимо Матовъ.—Каждый нашъ день—цѣлый рядъ мелкихъ подлоговъ, и поэтому каждый человѣкъ умираетъ злостнымъ банкротомъ.

— Ну, это ужъ область философіи,—замѣтилъ Бережецкій.

— Нѣтъ, будемъ говорить серьезно, Игнатій Борисовичъ. Я, напримѣръ, стою за святую инквизицію. Это, по крайней мѣрѣ, логично... Ты мнѣ душу свою подавай, а не бумажную правду.

— Абсурдъ... У васъ, Николай Сергѣевичъ, страсть къ абсурдамъ. Мы говоримъ о самой простой вещи, какъ подлогъ векселей, сдѣланный купцомъ Пареевымъ, кстати, вы же его и защищали.

— Маленькихъ и простыхъ вещей не существуетъ, Игнатій Борисовичъ, а если признать ихъ таковыми, то мы должны признать, съ одной стороны, какую-то особенную, маленькую и простую логику, а съ другой, считаться съ тѣмъ фактомъ, что эта физическая мелюзга отличается подавляющимъ множественномъ, самой упорной живучестью, необыкновенной способностью къ размноженію и самой трогательной приспособляемостью къ какой угодно средѣ. Перевѣсь въ концѣ концовъ и очутится именно на сторонѣ этихъ мелочей и простыхъ фактовъ, а потому я и защищаль купца Пареева, который тоже имѣлъ нѣсколько логикъ, до парадной и позавной логики включительно.

Гущинъ даже закрылъ глаза отъ умиленія. Боже, какъ умѣлъ говорить Матовъ—такъ и сыплеть, такъ и сыплеть. Хоть кого можетъ оконфузить. Щепетильниковъ слушалъ съ завистью, напрасно стараясь запомнить нѣкоторые обороты и козыряющую адвокатскую логику. Вѣра Васильевна сидѣла, опустивъ глаза. Она любила самый тембръ грудного голоса Матова. Именно такъ долженъ говорить настоящій мужчина. Ораторскій талантъ Матова гипнотизировалъ ее, какъ чарующая музыка. Ей казалось, что всѣ другіе даже не могутъ понять и оцѣнить его во всей полнотѣ, а только она одна. Это чувство, по особой, *женской* логикѣ, вызывало въ ней нарастающую ненависть къ Бережецкому, про котораго Матовъ сострилъ, что онъ и родился съ накрахмаленной душой. Именно не душа, а душонка, и именно накрахмаленная...

Къ концу обѣда какъ-то всѣ начали спорить, и потребовалось дипломатическое вмѣшательство хозяйки, чтобы эта застольная горячность убѣждений не перешла извѣстныхъ границъ. Когда дѣло дошло до кофе и ликеровъ, Вѣра Васильевна замѣтила, подавая Матову чашку:

— Надѣюсь, вы не будете портить моего кофе?

— Значить, окончаніе всѣмъ ликернымъ дѣламъ.

— Какъ знаете, но мнѣ жалъ своего кофе...

— Пусть будетъ по-вашему!..

— Вотъ пайныка, Никъ,—замѣтила Анненька, у которой начинала разбалчиваться голова отъ застольнаго шума.

Вѣра Васильевна взглянула на нее какъ-то особенно пристально, наклонилась и шепнула:

— Annette, вы не обидитесь? Вы слишкомъ фамиллярно называете Николая Сергѣевича.

— Да вѣдь его всѣ такъ зовутъ? Онъ у насъ общій любимецъ публики и составляетъ нѣкоторымъ образомъ общественную собственность...

— И все-таки не нужно, моя хорошая...

Анненька посмотрѣла на Вѣру Васильевну и какъ-то по-дѣтски просто отвѣтила:

— Хорошо, я не буду...

Войводъ обратилъ уже вниманіе, что жена волнуется, но не могъ понять причины. Въ то же время онъ не забывалъ подливать ликера все болѣе и болѣе хмелѣвшему Галстуину, но дѣлалъ это такъ, чтобы не замѣчалъ Бережецкій. Самъ онъ могъ пить сколько угодно, несмотря на то, что былъ гораздо старше всѣхъ присутствовавшихъ.

Наконецъ обѣдъ кончился. Мужчины закурили ситары, а дамы перешли въ гостиную. За ними пошелъ и Гущинъ, у котораго порядочно шумѣло въ головѣ. Онъ ухмылялся и встряхивалъ головой, какъ взнузданная лошадь.

— Слышали-съ, Вѣра Васильевна,—обратился онъ къ хозяйкѣ,—какъ Николай-то Сергѣичъ козой обдѣлывать господина прокурора? Такъ и рѣжетъ-съ, какъ ножомъ... Дастъ же Господь столько ума одному человѣку, и при этомъ словесность-съ. Даже игуменья удивилась, когда Николай Сергѣичъ пріѣхалъ къ ней по одному дѣлу. „Златоустъ сладкогласный“, говоритъ. Господинъ Бережецкій, конечно, умнѣе, нечего сказать, и, конечно, весьма сосредоточенно себя держитъ, а только Николай Сергѣичъ много попревосходнѣе себя оказываютъ.

Эта трогательная похвала разсмѣшила Вѣру Васильевну. Она посмотрѣла теперь на стараго ростовщика совсѣмъ другими глазами, чѣмъ раньше, и это придало ему смѣлости.

— Матовъ правится вамъ?—спросила она.

— Мнѣ-съ? Ахъ, Вѣра Васильевна!.. Это такой человѣкъ, такой человекъ, что другого такого и не сыскать. Ума палата, форць, вообще, развязка вполнѣ... Этакимъ людямъ и на свѣтѣ жить, а не то что другимъ протчимъ обормотамъ, съ позволенія сказать-съ.

Анненъка хохотала надъ этими объясненіями до слезъ, какъ сумасшедшая, такъ что Вѣра Васильевна даже посмотрѣла на нее строгими глазами. Но Гуцинъ разошелся.

— Да вы садитесь, Артемій Асафичъ,—предлагала хозяйка.

— Это вы правильно, сударыня, потому какъ въ ногахъ правды нѣтъ.

Старикъ подошелъ къ хозяйкѣ немного колеблющейся походкой, неожиданно потрепалъ ее по плечу и проговорилъ:

— Вотъ чтѣ, сударыня: правитесь вы мнѣ... Ей-Богу!.. Прямой я человекъ, ужъ извините на простотѣ.

— Благодарю.

— Артемій Асафичъ, такъ нельзя съ дамами обращаться,—вступилась Анненъка.—Сейчасъ подошелъ и лапу на плечо.

— Да вѣдь я по сущей простотѣ, барышня... Ужъ не взывайте на старикѣ. У насъ все попросту, а простой-то человекъ можетъ пригодиться. Вы только мнѣ мигните, Вѣра Васильевна: „Артемій Асафичъ, подавай мнѣ птичьего молока!“, а я ужъ его несу. Хе-хе!..

Въ этотъ моментъ къ Гуцину подошелъ Маркъ и шепнулъ:

— Васъ Николай Сергѣичъ спрашиваютъ... Они въ кабинетѣ.

— Вотъ тебѣ и фунтъ... Эхъ, надо было давеча уйти! Маркъ, а ты скажи, что я ушелъ домой.

— Никакъ невозможно-съ. Они васъ сейчасъ видѣли, то-есть Николай Сергѣичъ, и велѣли позвать въ кабинетъ-съ...

— Охъ, снялъ ты съ меня голову, Маркъ!

IV.

Но въ кабинетѣ Матова не было. Горничная Дуня возстановляла порлдокъ, нарушенный игроками. Гуцинъ посмотрѣлъ на нее, досталъ изъ кармана жилета двугривенный и проговорилъ:

— Цыпъ... Цыпъ... Цыпъ...

— Чтѣ вамъ угодно?—съ дѣланой суровостью отиѣтила Дуня.

— Попимаешь, я—гость. И ты, значить, должна во всемъ мнѣ подражать... Цыпъ-цыпъ! Да ну же, а то вѣдь я самъ подойду...

— Я ужъ не знаю, право... Какой вы смѣшной и на гости совсѣмъ не походите... Покорно благодарю.

— То-то, недотрога-царевна. Добрый я человекъ...

Онъ хотѣлъ поймать ее за подбородокъ, но дѣвушка ловко уклонилась.

— Нѣтъ, ужъ извините... Пожалуйста, безъ комплиментовъ. И всего-то другивенный дали...

— Ахъ, какая ты... Другивенный—пустяки, а главное дѣло—добрый и человекъ. Понимаешь? А у добраго человѣка всегда и другой другивенный найдется... Вотъ тебѣ на орѣшки, нѣ, получай.

Подавая деньги, онъ сдѣлалъ рукой такое движеніе, какъ будто хотѣлъ обнять, но она съ кокетствомъ отступила въ уголъ.

— Ахъ, вы, безстыдники... А еще гостемъ назвались... Ахъ!..

Въ дверяхъ стоялъ Матовъ и улыбался. Дуня шмыгнула мимо него, какъ ящерица.

— Отлично... прекрасно...—заговорилъ Матовъ, покачивая головой.—Отличный примѣръ подаешь. А знаешь, что по закону полагается за соблазнительное поведеніе?

— Что же законъ? Законъ, Николай Сергѣичъ, какъ палка,—о двухъ концахъ. А ежели она сама бросилась на меня? Ну, и пошутить съ дѣвужкой стариковскимъ дѣломъ...

— Хорошо, хорошо. Не будемъ о пустякахъ разговаривать. Давай деньги...

— Николай Сергѣичъ, голубчикъ, да въ умѣ ли вы? Изъ дому близко тысячу рублей унесли... Какъ я къ Ольгѣ-то Ивановнѣ на глаза покажусь? Она и то на меня звѣремъ смотреть. Сюда даже хотѣла ѣхать... Насилу ее уговорилъ. Вотъ она какая, Ольга-то Ивановна. Прямо сказать, огненный характеръ имѣютъ. „Я, говорить, всѣ глаза выцарапаю этой дворянкѣ оголтелой!“

— А ты не повторяй чужихъ глупостей, ибо для каждаго достаточно своей собственной. Ну, деньги... Сейчасъ ѣдемъ къ Бережецкому, и я буду отыгрываться.

Гущинъ вынулъ изъ бокового кармана засаленный бумажникъ и началъ отсчитывать деньги.

— Эхъ, Николай Сергѣичъ, Николай Сергѣичъ... двѣсти... триста... золотая вѣдь у васъ голова... Ровно четыре сотни.

— Э, нѣтъ, подавай всѣ.

— Николай Сергѣичъ...

— Понимаешь: нужно отыгаться. У меня своихъ восемьсотъ осталось, да ты дашь семьсотъ,—ровно полторы тысячи и будетъ. Это духъ возвышаетъ, понимаешь, когда чувствуешь, что въ карманѣ не восемьсотъ, а полторы тысячи.

Гущинъ отсчиталъ еще три сотни, съ молчаливымъ отчаяніемъ, и, подавалъ, даже отвернулся.

— Давно бы такъ, а то любишь кислые слова разговаривать,—замѣтилъ Матовъ, засовывая деньги въ карманъ, не считая.

— А документикъ, Николай Сергѣичъ?

— Жирно будетъ. Получишь потомъ. За нами и не это не пропадало.

Когда Матовъ вернулся въ гостиную, Анненъба, со свойственной ей паивностью, спросила:

— Никъ... Виновата: Николай Сергѣичъ, вы, навѣрно, занимали опять деньги у добренькаго старичка?

— Да, какъ всегда. Вы угадали, барышня.

— И много?

Матовъ грузно опустился на кресло, посмотрѣлъ сбоку на молчавшую Вѣру Васильевну и дѣливо отвѣтилъ:

— Угадайте еще разъ: столько, полстолько и четверть столько, да ваша пошла шляпка въ придачу.

— Не остроумно.

Вѣра Васильевна продолжала смотрѣть въ сторону, прислушиваясь къ доносившемуся изъ столовой шуму голосовъ. Боже мой, какъ все это ей надоѣло, вотъ такіе пьяные обѣды... Люди превращались въ какихъ-то животныхъ, какъ сейчасъ Матовъ. Видимо, онъ успѣлъ еще „пройтись по коньякамъ“ и теперь сидѣлъ совсѣмъ красный, потный и вообще такой отвратительный. Она боялась заговорить съ нимъ и надѣялась только на Анненку, въ присутствіи которой Матовъ не посмѣетъ быть развязнымъ, какъ позволяютъ себѣ пьяные мужчины. А онъ точно чувствовалъ ходъ этихъ тайныхъ мыслей и заговорилъ, растягивая слова:

— Вѣра Васильевна, бываютъ такіе сны, когда видишь себя и молодымъ, и красивымъ, и... и счастливымъ. Хорошіе сны, которые проходятъ вмѣстѣ съ молодостью.

— Да, вамъ, кажется, не мѣшало бы выпастся: три дня и три ночи трудились за картами,—сухо отвѣтила Вѣра Васильевна, оглядываясь на ничего не понимавшую Анненку.

— Чтò такое сонъ?—продолжалъ Матовъ, не обращая вниманія на сухость тона хозяйки.—Поэтъ сказалъ, что сонъ—хладное изображеніе смерти. Да, такъ я видѣлъ сонъ, Вѣра Васильевна, и видѣлъ во снѣ васъ, какой вы были *тогда*, то-есть дѣвушкой. Я что-то хотѣлъ вамъ сказать, очень много сказать, а вы все убѣгали отъ меня... А вотъ сейчасъ я смотрю на васъ и никакъ не могу привыкнуть къ мысли, что вы *madame* Войводъ.

— Ахъ, полноте, пожалуйста, ребячиться... Надѣюсь, вы не удивлитесь, что вы мужъ своей жены? Все это въ порядкѣ вещей... Мы *тогда* были большими дѣтьми—и только.

— Дорого бы я далъ, чтобы вернуться къ этому дѣтству.

Онъ посмотрѣлъ на Анненку и прибавилъ другимъ тономъ:

— Барышня, вы шли бы къ своему папа...

— Вотъ это мило!—обидѣлась Анненка.—А если я не желаю? Накопецъ, это просто невѣжество...

— Да и я васъ, Annette, не отпущу,—заявила Вѣра Васильевна.—Тѣмъ болѣе, что въ нашихъ воспоминаніяхъ найдется кое-что поучительное и для васъ.

— Ужасно интересно, ужасно!—болтала обрадованная Анненка.—Встрѣча двухъ влюбленныхъ послѣ долгой разлуки... Вѣдь Никъ былъ влюбленъ въ васъ, Вѣра Васильевна? Господа, я не буду вамъ мѣшать... Вотъ сяду сюда на диванъ, въ уголокъ, и даже возьму книжку въ руки, какъ дѣлають благовоспитанныя барышни въ дѣтскихъ книжкахъ съ картинками... Вотъ такъ...

Она усѣлась на диванъ и закрыла лицо раскрытой книгой.

— Милостивые государи и милостивыя государыни! Меня нѣтъ... я умерла...—говорила Анненка глухимъ голосомъ тѣни отца Гамлета.

Вѣра Васильевна обняла расшалившуюся дѣвушку и горячо ее поцѣловала. Матовъ точно ничего не замѣчалъ, погрузившись въ свои воспоминанія, а когда наступила пауза, онъ очнулся и проговорилъ:

— Вѣра Васильевна, неужели и молодость прошла, и ничего больше не вернется... Ничего?!

— Какъ вамъ сказать, Николай Сергѣичъ,—заговорила Вѣра Васильевна уже смягченнымъ тономъ.—Каждый въ этомъ случаѣ думаетъ по-

своему... А встати, вы не забыли, какъ мы *тогда* разстались? Не прояви вы тогда чисто-мужской энергій, страшно даже подумать, что могло бы быть...

— Будемте, Вѣра Васильевна, называть вещи ихъ настоящими именами. *Тогда* я просто бѣжалъ, и бѣжалъ очень некрасиво.

Вѣра Васильевна засмѣялась, а изнывавшая отъ любопытства Анненъша шепнула ей на ухо:

— Ужасно интересно!.. Онъ бѣжалъ—это, по крайней мѣрѣ, начало романа.

— Герои романовъ убѣгаютъ изъ послѣднихъ главъ, а не изъ первыхъ,—пошутила Вѣра Васильевна.

— Господа, пожалуйста, продолжайте!—умоляла Анненъша.—Меня нѣтъ, я похоронена...

— Да, я бѣжалъ...—повторялъ Матовъ, точно заколачивалъ гвоздь.

— Это было съ вашей стороны актомъ благоразумія,—объяснила Вѣра Васильевна.—Вы только подумайте, что могло бы быть. У васъ, кромѣ головы на плечахъ, ничего не было... Я была дѣвушкой изъ разоренной дворянской семьи и могла бы испортить вамъ всю жизнь въ роли вашей жепы. Вы меня проклинали бы, а теперь у васъ есть все—прекрасное общественное положеніе, популярность и наконецъ общая любовь.

— Вы смѣтаете надо мной, Вѣра Васильевна? Такъ знайте же, что мнѣ все это давно надоѣло и опротивѣло. Я завидую бѣднымъ людямъ, которые не знаютъ, чѣмъ будутъ сыты завтра. Есть вещи и положенія, которыя не мѣняются успѣхомъ, а тѣмъ болѣе деньгами. Я понимаю, что вы шутите и зло шутите...

— Я? Меньше всего... Теперь вы видите совершенно другую женщину, и, надѣюсь, мы будемъ друзьями,—сказала она, протягивая руку.—Прошлое миновало, слѣдовательно нужно жить настоящимъ, ловить моментъ...

— О, да... Тысячу разъ да!..—горячо подхватилъ Матовъ.

Анненъша горячо протестовала противъ такого конца сцены.

— Господа, это невозможно... Вѣра Васильевна, вы должны мстить. Вѣдь онъ ухаживалъ за вами, а потомъ бѣжалъ,—каждая женщина должна мстить.

— Я и буду мстить,—отвѣтила Вѣра Васильевна.

— Побѣжденному врагу не мстить,—засмѣялся Матовъ, пропояда рукой по своимъ волосамъ.

V.

Не спавшіе всю ночь гости, подкрѣпившись за обѣдомъ, почти дремали за столомъ; а Галстунинъ даже откровенно клевалъ носомъ. Хозяинъ тоже подумывалъ о томъ, что недурно было бы выспаться. Онъ вѣшалъ въ руку и ждалъ, когда поднимется Бережецкій,—онъ всегда торопился куда-нибудь. Вертѣвшійся около стола докторъ начиналъ раздражать его. И что человѣкъ толчется, подумаешь? А докторъ въ это время подсѣлъ къ Бережецкому и рассказывалъ удивительный случай изъ своей практики.

— Представьте, простой брюшной тификъ... да... И вдругъ оказывается, что это даже не тификъ...

Въ разговоръ по своей медицинскій части докторъ любилъ употреблять уменьшительныя словечки: тификъ, лихорадочка, чакоточка, компрессики, горчичничекъ,—его на этомъ основаніи мѣстные остряки называли докторомъ Лихорадочкой.

Замѣтивъ, что Щепетильниковъ пробирается въ гостиную, докторъ ри-